

Лазарев Ф.В.

ОСНОВАНИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: КАК СДЕЛАТЬ НАШИ МЫСЛИ ЯСНЫМИ?

Проблема возможности рациональной постигаемости мира, равно как и вопрос о том, как сделать наши мысли ясными, исторически возникала не только в чисто теоретическом плане, но и в контексте эволюции самого опыта философствования на протяжении всей истории человеческой мысли. Стиль и методы философствования менялись от автора к автору и от эпохи к эпохе. Гераклита современники прозвали «темным» за его манеру говорить, прибегая к намекам, неожиданным метафорам и сравнениям. Сократ, напротив, подал пример подкупающей простоты и понятности. Платон и Аристотель приложили немало усилий, чтобы убедить всех, кто пользуется разумом как инструментом познания, в возможности и необходимости рационального дискурса. Софисты продемонстрировали безудержную «гибкость» мысли, незаметно порывающей с истиной как целью всякого рассуждения.

В средние века сократовски-платоновский стиль прозрачной рациональности сменяется густым туманом схоластики, в котором солнце истины почти неотличимо от вторичного света ночного светила. В Новое время Декарт отважился на создание Метода движения от одних «отчетливых» идей к другим. Спиноза – чуть ли не демонстративно – излагает свою «Этику» в математическом стиле. Но вот позднее появляется Гегель со своим «птичьим языком», продираясь сквозь который невольно подумаешь, что метафорический язык Гераклита был не таким уж темным. Коллега Гегеля по кафедре Шопенгауэр убедил читателей, что можно и на немецком языке говорить достаточно ясные философские вещи, так что это удастся переводить и на другой язык. В XX в. Хайдеггер опять заговорил темно и многозначительно; по этой причине, видимо, до сих пор нет хороших переводов его работ на русский язык.

В конце 19-го столетия Пирс предпринял отчаянную попытку научить нас, как сделать наши мысли ясными. Вера в то, что человек в принципе способен ясно и осмысленно рассуждать, была поддержана логическими позитивистами, которым казалось, что наконец-то найдены строгие критерии того, что однозначно выразимо в языке. Формируется даже специальная научная дисциплина о смыслах и значениях – семантика. В свете этого умонастроения сама философия рассматривается не как поиск истины и не как способ рассуждения о мире и человеке, а как обучение искусству ясно выражать свои мысли, *искусству* прояснения смыслов. Философия, которую представители точных наук еще совсем недавно третировали как темную, вдруг заявляет о себе как о методе осмысленного рассуждения на базе научной рациональности, которая обуславливает в конечном счете любой научный метод.

Разделяя с самого начала логические стандарты и идеалы исследовательской программы неопозитивиз-

мов, один из первоначальных лидеров этого движения Л. Витгенштейн вынужден был все же, заканчивая «Логико-философский трактат», с улыбкой обратиться: «Мои предложения проясняются тем фактом, что тот, кто меня понял, в конце концов уясняет их бессмысленность, если он поднялся с их помощью – на них – выше их» [1]. Австрийский философ, по-видимому, несколько не лукавил, когда вывел пером одну из своих заключительных фраз: «Правильным методом в философии был бы следующий: не говорить ничего, кроме того, что может быть сказано...» [2]. Дочитав до этой последней строчки, друг парадоксов Б. Рассел тут же заметил: «В конце концов, мистер Витгенштейн сказал довольно много о том, что не может быть сказано» [3].

Как бы там ни было, искусство ясно выражать свою мысль, достигнув, казалось бы, пика своего развития, подошло, хотя и с неожиданной стороны, к принципу молчания, или, как его называли в древности, «эпохе». Полная прозрачность в процессе языкового развертывания мысли в виде линейных последовательностей единиц речи – ясность дискурса – имеет своей оборотной стороной – как дополнение – полное воздержание от языковой активности. Без одного не может быть другого. По существу из этого явно или неявно исходили все логические позитивисты. Однако мечтам о «полной ясности» рационально развертываемого дискурса не суждено было сбыться.

Когда в 1964 г. вышла работа Гадамера «Истина и метод», философская публика уже готова была принять тезис о том, что *понимание* – особый и гораздо более обширный континент нашей интеллектуальной культуры, чтобы его можно было свести к методологическим идеалам Венского кружка.

Гадамер убежден в том, что проблема преодоления фундаментального разрыва между мыслью и словом разрешается на пути осознания того обстоятельства, что то, что высказывается, не является на самом деле самостоятельной реальностью, чем-то бесслownie данным, а получает свою собственную определенность лишь в языковой материи. В сущности автор «Истины и метода» прибегает здесь к давней философской уловке, к тому, что составляет глубинную специфику всякого подлинного философствования – к приему *онтологизации*. В соответствии с этим утверждается, что язык как носитель смыслов укоренен в самом бытии. Отсюда в речевой практике мы имеем дело не с запечатлением мысли в языке, а с самоизъявлением, которое принадлежит самому бытию, потому-то высказать себя – не значит обрести второе существование. В результате проблема адекватности мысли и слова того, кто говорит, замещается проблемой адекватности восприятия того, кто слушает, т. е. проблемой понимания.

Философская основа герменевтической мето-

ОСНОВАНИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: КАК СДЕЛАТЬ НАШИ МЫСЛИ ЯСНЫМИ?

дологии Гадамера включает в себя три основные посылки:

а) понятийная система, в которой развертывается анализ, всегда владеет исследователем точно так же, как определяет его язык, в котором он живет;

б) имеющая место предопределенность мышления аналитика существующей системой понятий требует от последнего добиваться наивозможной исторической ясности относительно своих собственных посылок;

в) исследователь не может просто и безотчетно пользоваться своими понятиями, такими, какими они сформировались на сегодня, но должен осмыслить то, что дошло до него из их первоначального значения; рефлексия над понятиями, которые мы ставим на службу собственной мысли, означает не выход за их пределы, а прослеживание их реальной истории и восхождение к истокам. Интервальная методология, обращаясь к идее гносеологической фокусировки, предлагает несколько другой путь, другую технологию относительно того, как сделать наши мысли ясными. Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее.

К числу «родовых», «сущностных» характеристик человека относится его способность к *рациональному постижению* мира. В связи с этим возникает естественный вопрос об онтологических и эпистемологических основаниях рациональности. Первая идея (служащая основанием рациональности) – это некий постулат о существовании *онтогносеологической симметрии разума и бытия*. В истории философии эта идея формулировалась по-разному в те или иные эпохи: то в виде «тождества мышления и бытия» (Парменид, Гегель), то как принцип «предустановленной гармонии» (Лейбниц), то как постулат «изоморфизма» (С.Б. Крымский) и т.п. Р. Тарнас в своей книге «История западного мышления» говорит о «концепции сопричастности», согласно которой субъективные принципы, которые, как полагал Кант, определяют человеческое знание о мире, на самом деле являются выражением собственного бытия мира, а человеческий разум в конечном счете есть инструмент самораскрытия реальности. С этой точки зрения, сущность природы нераздельна, самодостаточна и завершена в себе самой – так, чтобы человеческий разум мог «объективно» изучать ее со стороны. В конце концов, сам человеческий разум во всей его полноте есть выражение сущностного бытия мира [4]. Истинное познание вовсе не результат «меткого попадания» постороннего по отношению к миру и противостоящего ему субъекта, а отражает сокровенное родство человеческого разума с Космосом.

Вторым основанием рациональности может быть постулат вербальности, языковой изрекаемости мыследеятельности. Рациональная мысль невозможна вне языковой реальности, без языковых практик, без акта высказывания. Наш язык в известном смысле укоренен в самом бытии. В связи с этим можно вспомнить известную работу о. Сергия Булгакова «Философия имени». Слова, утверждает автор, рождаются, а не изобретаются. Слова,

являясь первоэлементом мысли и речи, выражают идею как некоторое качество бытия, простое и далее неразложимое. Это – самосвидетельство космоса в нашем духе, его звучание. Слова-идеи суть голос мира, звучание вселенной, ее идеация. Наряду со своим внелогическим бытием, вселенная приобретает *идеальное выражение* через язык. Логос в отношении к неизреченной и неизрекаемой, трансцендентной для мысли сущности выражается словом. Оно по отношению к субстанции есть то, что проявлено, сказано, выявлено из неизреченной глубины бытия, с чего совлечен покров тьмы, в нем обнаруживается лицо бытия, проявляется его множественность, его соотношения и индивидуальные черты. Ведь что есть слово-реалия, или знак? «Слова, – говорит Булгаков, – суть самосвидетельство «вещей», действия в нас мира, пробуждающего свои собственные идеи. Слова суть вспыхивающие в сознании монограммы бытия».

Третья идея (вытекающая из второй) – это постулат о прозрачности бытия для постигающего его разума и принципиальной выразимости, изрекаемости, языковой определенности мира человеком. Рациональность предполагает, что субъект не только должен «высказываться о действительности», но и может добиться через речь изрекаемости самого универсума.

В качестве важнейшего основания рациональности можно было бы назвать *принцип определенности*. В жизни, в практике, в познании мы часто сталкиваемся с ситуациями неопределенности. Это обусловлено не только текучестью, изменчивостью нашего мира, но и такими чертами реальности, как неупорядоченность, игра случая, вероятность; в познании же неопределенность вызывается моментом условности, приблизительности, субъективности познавательных актов. Древний философ Кратил, как известно, настаивал на идее абсолютной текучести бытия. Все чувственно воспринимаемое находится в состоянии постоянного изменения, так что ни о чем нельзя судить определенно. «Коль скоро все движется, – иронично замечает по поводу таких взглядов Платон, – то любой ответ – о чем бы ни спрашивалось – будет одинаково правильным, раз оно будет означать, что дело обстоит так и не так. Вообще говоря, самым точным было бы выражение «вообще никак», ибо слова «так» и «не так» все же заключают в себе некоторую определенность» [5].

Аристотель, критикуя позицию Кратила, Протагора и софистов, попытался более четко сформулировать логический смысл рациональности в практике использования высказываний. Существо его аргументации сводится к тому, что позиция критикуемых философов внутренне противоречива: она сама себя отрицает. Аристотель писал: «Если же все одинаково говорят неправду и правду, то тому, кто так считает, нельзя будет что-нибудь произнести и сказать, ибо он вместе говорит и да и нет» [6]. Если наши высказывания имеют какой-либо смысл, то они должны быть определенными, и лишь такие высказывания можно проверить, то есть, так или иначе установить их истинность или ложность.

Вопрос о том, как выразить посредством точ-

ных, определенных в своем смысловом значении понятий живую, изменчивую реальность в ее бесконечной текучести и противоречивости – один из самых фундаментальных и вместе с тем традиционных вопросов эпистемологии. Над ним задумывались не только собственно философы, но и представители других форм духовной культуры, о чем говорит опыт духовного развития Древней Индии и Древнего Китая. Особое внимание к этому вопросу мы обнаруживаем в традиции дзен-буддизма. Известный современный авторитет в этой области Ошо, комментируя сутры древнего мудреца Сосана, пишет: «Кто-то спросил Махавиру: «Есть ли Бог?» И Махавира сказал: «Да, нет, да и нет вместе». Человек был озадачен. Он сказал: «Я не улавливаю. Либо ты говоришь да, либо ты говоришь нет, но не говори все вместе». Махавира ответил: «Это только три точки зрения. Если ты хочешь послушать все в целом, у меня есть семь точек зрения обо всем» [7]. Сначала мудрец сказал «да»: одна точка зрения, не истина, лишь один аспект. Затем он сказал «нет»: не истина, лишь другой аспект. Затем он сказал и «да» и «нет»: третий аспект. Затем он сказал «ни да, ни нет»: четвертый аспект. Затем он сказал «да» плюс «и да и нет»: пятый аспект. Затем он сказал «нет» плюс «и да и нет»: шестой аспект. «Нет» плюс «да» и плюс «ни да, ни нет»: седьмой аспект.

Мудрец утверждает, что аспектов семь, и тогда через это вещь выступает как целое. «И он прав, но ум чувствует ошеломление. Но это ваша проблема, а не его. Он прав, ибо он всегда говорит, что если вы говорите «да», это лишь половина. В определенном смысле вещь существует, но в определенном смысле она уже на пути к несуществованию» [8]. Ум не может видеть целое, он может смотреть только на аспекты. Если я вам дам камешек, сможете ли вы посмотреть на целое этого камешка? Когда бы вы ни посмотрели, вы смотрите только на один аспект, другой скрыт. «Для тех, кто очень интеллектуален, метод Махавиры весьма хорош. Он дает головокружение, и все становится шиворот-навыворот, и вы не можете действительно ничего сказать – вы должны замолчать. Что бы вы ни сказали – это выглядит абсурдно, и вы должны это немедленно отрицать. И к тому моменту, когда вы что-то утверждаете, ничего не утверждается, ибо каждое утверждение противоречит другому» [9]. Мудрец говорит: отбрось ум, ибо ум не может смотреть на целое.

Приведенный отрывок наглядно иллюстрирует суть обсуждаемой проблемы. Текучесть бытия, как полагал Гегель, не умещается в жесткие рамки наших «да» и «нет». Вопрос, однако, в том, как можно размышлять о «реальности, не отказываясь от разума, от основных постулатов рациональности. Способен ли разум видеть не только «аспекты», но и целое? Или мы должны прибегнуть к «принципу молчания»? Или к «семиричной логике» Махавиры? Любопытно, что Ошо, рассуждая об ограниченности логики «да» и «нет», прибегает к таким интуитивным понятиям, как «аспект», а также к такому словосочетанию, как «в определенном смысле». Но что реально значит выраже-

ние «один аспект», «другой аспект» и т.д.? И что значит «в определенном смысле»? Вот эти-то ключевые слова и нуждаются в строгом анализе. Существует ли «аспект» как некая объективная черта вещи, явления, природы, и если да, то включает ли он в себе некую определенность? Разумно ли допустить существование именно подобной модели реальности? Если мы не соглашаемся с этим, то все рассуждения по поводу «семиричной логики» теряют всякий смысл. Если же мы хотим, чтобы в наших обыденных и научных языковых практиках произносимые слова и предложения имели смысл, мы должны сделать ряд допущений общепhilosophического характера, которые могли бы служить основаниями для ответа на вопрос, как возможны в познании точные понятия.

Интервальный подход как раз и начинается с некоторого постулата определенности: в любом фиксированном интервале реальности дело обстоит либо «так», либо «не так», но не может быть ситуации «вообще никак». Разумеется, в жизни, в природе могут встречаться ситуации неопределенности, но это как раз означает, что мы не можем фиксировать нужный нам для познания интервал. Его просто нет. Для того, чтобы о чем-то рассуждать строго и осмысленно, мы должны попытаться свести в заданных условиях некую исходную неопределенность к определенности. Но как это возможно? Для ответа на этот вопрос мы должны более детально проанализировать понятие «аспект» с интервальной точки зрения.

Традиционная модель бытия предполагала, что, с одной стороны, есть предмет, обладающий своими собственными, абсолютными свойствами, а с другой – существует бесконечная мировая среда, в которой этот предмет находится. При этом признавалось, что есть, конечно, ближайшие окрестности существования данного предмета, непосредственное окружение, конкретные условия. Это ближайшее окружение во многих случаях оказывает более сильное влияние на предмет, но при этом, однако, нельзя установить некий закон: чем дальше от предмета находится та или иная конкретная среда, тем меньше ее влияние; дело в том, что в среде всегда могут существовать такие факторы, которые оказывают колоссальное влияние на объект несмотря на дальнейшее расстояние (например, Солнце – на Землю).

Интервальный подход включает в себя три новых идеи в понимании диалектики предмета и среды. Первая идея заключается в следующем. В рамках общей среды могут существовать более жесткие, оказывающие более сильное и специфическое влияние на объект окружающие его условия. Например, рыба существует и может существовать лишь при наличии водоема с водой. Такого рода условия, или среды, могут быть стабильными лишь при известной их локализованности, ограниченности, замкнутости. Жилище человека представляет еще один пример такой замкнутой среды. В зимнее время особенно наглядно видно, что эта среда должна быть герметично замкнутой от внешних температурных воздействий, равно как и от других. Еще более характерный пример – космическая станция на околоземной орбите. Здесь

ОСНОВАНИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: КАК СДЕЛАТЬ НАШИ МЫСЛИ ЯСНЫМИ?

требуется особенно качественная герметичность. Кроме того, видно, что в рамках этой среды обитания человека существенно меняют свои физические свойства многие объекты. Черная дыра представляет еще один пример такой среды. При внимательном рассмотрении мы можем заметить, что в сущности такие замкнутые среды – не исключение, а правило. Не только рыбе нужен обязательно водоем, но и всем наземным животным, включая человека, нужен воздушный бассейн как часть *биосферы*. Кроме того, человек как вид может существовать только в рамках социальной среды – *социума*, а любой кусок железа может оставаться в таком качестве лишь в определенном температурном интервале; попадая в условия с большими температурами, он плавится. И здесь мы подходим ко второй идее. Оказывается, свойства предмета (объекта), его бытие как данной определенности, данной конкретной вещи, данного качества напрямую зависят от этой замкнутой среды, которую мы и называем интервалом (частный случай – интервальной ситуацией). Объект как нечто конкретное не существует сам по себе, независимо от интервала. Именно интервальная среда актуализирует в нем конкретную группу свойств, данное качество. Но при этом эти свойства не исчерпывают всю полноту объекта, ибо за границей актуального сохраняется богатый мир возможного, потенциальных свойств и качеств данного объекта. Таким образом, мы должны пересмотреть, во-первых, понимание *среды*, во-вторых, понимание *объекта* (как единства актуального и потенциального), в-третьих, понимание *диалектики объекта и среды*. Объект и среда образуют подлинное единство. Среда актуализирует свойства объекта и задает тем самым его качественную определенность. Интервал есть качественная целостность в структуре реальности. Эта целостность возникает благодаря интервалообразующим константам. Так, наша Вселенная возникает в результате Большого взрыва благодаря уникальному сочетанию мировых констант. Целостность возникает благодаря фантастически тонкой подгонке констант. Физические законы и начальные условия эволюции космической материи как бы «заморожены» в первоначальном Большом взрыве. Даже незначительные изменения мировых постоянных (сотые доли процента могут качественно изменить свойства суперсистемы «вселенная» и характер всех процессов, в ней происходящих). Наша вселенная «держится на острие». Ничтожное изменение ее параметров приведет к срыву, к ее полной перестройке [10].

Достаточно тонкая подгонка интервалообразующих параметров нужна и во многих других случаях. На это обращают внимание исследования по экологии. Экосистемы очень хрупки. А разве такие целостности, как семья, творческий коллектив, локальная культура не являются результатом тончайшей подгонки исходных констант, несущих конструкций? Иногда все держится на энтузиазме и взаимосогласованности двух-трех ведущих специалистов, профессионалов в театрах, НИИ, ансамблях и т.п. Стоит только разрушиться этой связке и разваливается большой коллектив. Гармония всегда держится «на острие» согласованности разнородных и даже противоположных элементов, факторов, ин-

тересов. Разрушить гармонию бывает очень легко, а тем самым и утратить то качество, тот потенциал, который этой гармонией обуславливается. И напротив, выстроить новую гармонию – дело исключительной сложности. Это так же сложно, как сложно из случайных запчастей смастерить хороший телевизор или компьютер: необходимы нужные детали и очень точная подгонка. Появление иного интервала порой выглядит, как подлинное чудо, включая факт появления нашей Вселенной, генетических программ живых организмов, разума, да и самой нашей планеты Земля. Подогнанность человеческого существования к условиям земной среды обитания фантастически высока.

Третья идея связана с понятием относительности: один и тот же объект может одновременно находится в разных средах-интервалах. Мир – это не только совокупность интервалов, это еще и многомерность. Здесь как бы эффект голограммы: одна и та же точка, один и тот же объект одновременно отбрасывает разные проекции в разные среды. Среда образует некие «пучки», конфигурации, особые голографические пространства. Это «мир зеркал», в которых отображается объект в разных ракурсах и проекциях. С одной лишь поправкой, что в каждом случае такого отображения мир «азеркаля» реально существует со своими законами, свойствами, смыслами и истинами. Например, человек одновременно существует как механическое тело, как физическая система, как живой организм, как социальное существо, как культурно-духовный феномен и т.д. И в каждом из этих измерений бытия человека есть свои законы, свои детерминации, свой *уровень* организации материи, своя сложность и функциональность, свои степени свободы. Ни один из этих уровней свободы индивид не может игнорировать.

Таким образом, сама возможность рациональности, сама возможность пользоваться разумом в процессе постижения мира предполагает принцип определенности, который включает в себя следующие постулаты:

- определенность и однозначность «обстояния дела» в заданном интервале;
- определенность и однозначность семантики (понятий, суждений, теорий), служащих для адекватного отображения «обстояния дела» в соответствующем интервале;
- принципиальная возможность формулировать точную систему смыслов в рамках того или иного языка.

Определенность наших мыслей в гносеологическом плане означает, что она дана нам в познании с точностью до «истины или лжи», другими словами, наши суждения о мире либо истинны, либо ложны (так что не может быть ситуации, если мы фиксировали интервал, «и да и нет»). Из принципа определенности вытекает (в логическом плане) закон тождества и закон противоречия. Если правила перехода от одного интервала к другому фиксированы, то не возникает противоречий не только в рамках одного смыслового пространства, но и при смене интеллектуальных перспектив рассмотрения (при смене «аспектов»), правда, в по-

следнем случае истина может скачком перейти в ложь, и наоборот.

Еще одним основанием рациональности может служить постулат *упорядоченности мира*. Последний восходит к понятию логоса (Гераклит) в древней философии и к понятию закона в науке и философии Нового времени. Сама по себе идея порядка, организации, системности, структурированности универсума не снимает еще проблему противостояния рационализма и иррационализма: ведь в мире на уровне «наличного бытия» мы наблюдаем устойчивость и изменчивость, порядок и хаос, гармонию и дисгармонию. Поэтому идею порядка следует дополнить принципом редукции от хаоса к порядку, от бесконечного к конечному, от неопределенности к определенности в рамках фиксированного в мышлении интервала абстракции.

И. Пригожин обратил внимание на то, что в любом хаотическом процессе возникают некие силы или факторы, которые ведут к появлению элементов организации, порядка. Таким образом, хаос и порядок оказываются глубинно связанными между собой, одно порождает другое. Что же лежит в основе этого феномена, откуда из хаоса кристаллизуется некий порядок? Пригожин, в сущности, не ставит этот вопрос. А между тем он представляет принципиальный интерес.

Обсуждая эту проблему, мы прежде всего должны обратить внимание на то, что в мире, как мы уже видели выше, мы всегда имеем дело с некоторыми целостностями. Предельным случаем

здесь служит сама Вселенная как конечное в пространстве и времени образование. Но сам факт конечности, замкнутости свидетельствует о том, что есть некая причина, некий фактор, который обуславливает эту конечность, некое постоянно действующее правило, закон или свойство, атрибут. Но это значит, что конечность как глобальный факт сам по себе и как факт изначальный выступает как исходное, лежащее в основе всего ограничение хаоса. Другими словами, в любом конечном в силу самой этой конечности хаос чем-то ограничен, так или иначе встроен в систему благодаря некоторому порядку бытия.

Литература

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. - М. - С. 97.
2. Там же.
3. Там же. - С. 25.
4. См. Тарнас Р. История западного мышления. - М., 1995. - С. 368-370.
5. Платон. Соч. в 3-х т. - Т. 2. - М., 1970. - С. 279.
6. Аристотель. Соч. в 4-х т. - Т. 1. - М., 1975. - С. 133.
7. Ошо Син Син Мин. Книга ни о чем. Беседы о сутрах Сосана. - М., 1994. - С. 173.
8. Там же.
9. Там же. - С. 174.
10. Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм // Вопросы философии. - 1991. - № 3. - С. 24.